

**Бестселлеры
Владимира Мединского**

Виктор Ерофеев

ГРАНИЦА

Вместо предисловия

История — страна мертвых. Из нее, как из загробного царства, нет верной дороги назад, в пестрое жизненное пространство, где случай спорит с закономерностью, зло прикидывается добром. История умертвляет события и героев невозможностью воссоздать истину в полном объеме, сказать собирательную, объединяющую всех правду. Только взгляд с самого верха, формирующий священные писания, способен на окончательную твердость суждений, но даже они тонут в многочисленных толкованиях и апеллируют к конкретной исторической ментальности.

Остается одно — вера. История, как пасынок религиозного сознания, определяется верой и требует послушания. Не факты формируют веру, а вера оценивает факты. Поскольку в мире нет всеобщей веры, нет и всеобщей истории.

Однако из этого безвыходного положения есть блестящий выход. Мы любим байки об исторических мертвецах. Не знаю, существует ли история без личностей, но исторические личности — находка для автора. Твори. Выдумывай. Пробуй. Как предложила одна из исторических личностей, которая, впрочем, кончила плохо. Но всякий раз хочется надеяться на лучшее или хотя бы на понимание.

Я не фанат исторического детектива, но сколько можно отказываться от того, что в классических формах сформировало твое историческое сознание, которое ты сам отчасти выбрал, а отчасти был избран им? Вот почему я готов к непосредственному оживлению героев и хорошей встряске самой истории. Более того, опираясь на популярные образцы исторических де-

тективов, я вижу, что это — прямая дорога к авторскому успеху, к формированию собственной авторской личности.

Владимир Мединский написал книгу в лучших традициях исторического романа авантюрного жанра. Он выбрал прекрасную для детектива пору русской истории — Смутное время, которое само по себе представляет столь запутанную картину, что не поддается расшифровке. Знаток русской истории, автор взял на себя обязательство сделать каждую подробность убедительно достоверной. Детали одежды, еды, обрядов, мельчайшие подробности военной жизни — все радует пытливого читателя, который любит почувствовать собственным носом историческую пыль повествования.

В каждом достойном историческом романе есть что-то от радикального искусства комикса. Такое искусство не ценит полутона. Оно обрушивается на читателя со своей правдой о настоящих героях и подлых предателях, о вечной войне света и тьмы, к какой бы идеологии свет и тьма ни относились. У героев должно быть все красиво, вплоть до васильковых глаз, у врагов — жидкие волосы, склонность к пьянству и страсть к золоту. Кто-то скажет, что так не бывает в жизни. Но искусство детектива легко преодолевает *бедность правдоподобия*. Оно ищет лобового столкновения. Наши девушки прекрасны во всех отношениях, у врагов — продажные крали. Так ведь в «Тарасе Бульбе» этот прием никого не смущает. Да и враг — тот же, гоголевский. Ляхи. А за ними — вся Европа. Но с некоторыми немаловажными исключениями.

В «Стене» задача военно-патриотического детектива — угадай предателя — решена профессионально. Никогда не угадаешь, пока не дочитаешь до конца. От книги не оторваться. Описывая известные события героической обороны Смоленской крепости в 1609—1611 гг., Мединский складывает уничтоженные предательством трупы в таком порядке, не жалея даже самых трогательных созданий, что забываешь порою, кто с кем борется, — хочется быстрее выйти на финишную прямую разгадки интриги. Как и полагается в классном детективе, эта интрига не ограничивается смоленским местом действия: она раскручивается в международном масштабе, затрагивает тайные могущественные секты, взлетает к помыслам папы римского, и таинственному флоту крестоносцев, опускается

в подвалы, набитые не только порохом, но и золотом, — все будоражит воображение.

Но и сама по себе война, вплетенная в интригу предательства, показана масштабно, от Сигизмунда III Вазы, оказавшегося в книге в буквальном смысле голым королем, до наших, обрызганных вражьей кровью богатырей, от чванливых, заживо мертвых (и потому их совсем не жалко) врагов до вдумчивого, сверкающего очочками прародителя советского энквэдэшника с нарочитым именем-отчеством, от европейского борделя до православных аскетов и схимников. Возможно, самым живым героем, не слишком затронутым поэтикой комиксов, оказался в книге не главный витязь Григорий, из типичного «мгимошника» XVII века превратившийся в воина, но человек с исторически мучительной судьбой, оставшейся за бортом повествования, — Михаил Шеин, смоленский воевода. Автор назначил своему герою яркую детективную судьбу, о которой мы умолчим.

Однако его реальный исторический «прототип» не менее интересен: остановив поход поляков на Москву, спасая жену и детей, раненый, он сдастся полякам в плен, окажется на долгие годы в темнице, вернется домой — и проиграет следующую войну. В зеркальном отражении истории он из героя-блокадника, защищающего Смоленскую крепость, превратится в неудачливого полководца 1632 года, осадившего Смоленск, — его казнят (по оговору, предвещавшему судьбы сталинских жертв) как польского агента в 1634 году.

Страшно и непонятно Смутное время. В книге само слово «Стена» приобретает значение не столько крепостного сооружения, сколько символа раскола цивилизации на своих и чужих, словно мы повторяем уроки Данилевского и Шпенглера о несовместимости понятий. Но, невольно отвлекаясь на историю самого Смоленска, в голове рождается еще одна тема — *тема границы*. По какому такому рубежу она проходит? В книге монах авторитетно утверждает, что дело не в нации, а в вере. Только ли?

Граница между Европой и Россией до сих пор проходит не на карте, а в голове. Каждый ее вычерчивает самостоятельно. Идея «Стены» нередко похожа на ментальный реванш. Нас столько раз Запад выставлял дикарями и схизматиками, что

хочется наконец развернуть пушки в другую сторону и подчеркнуть всю человеческую слабость тогдашней и всегдашней Европы. Молодой боярин Григорий, путешествуя по Европе, призван указать на моральную и физическую нечистоплотность континента, который в книгах своих путешественников столь жестоко высмеял и высмеивает нравы нашего государства — вплоть до сегодняшнего дня. И потому Григорий, показательный «советский» дипломат, местами, как мне казалось, словно переселившийся в XVII век из молотовского министерства моего детства, со страниц «Хорошего Сталина», видит не столько полотна итальянского Ренессанса и победы ученых, сколько грязные улицы Парижа, полные вони, и грязные папские намерения огнем и мечом выжечь неподвластное ему православие.

Однако соблазны Европы нежны и коварны. Они впиваются в душу не только целомудренной героини романа, но в «душу» всего пограничного Смоленска. Главный предатель «Стены» — это всего лишь отрывок сомнений и терзаний будущей смоленской «шляхты». Только сорок лет польской оккупации — но как же их перекосило, этих смоленских людей! Ведь мы помним по воспоминаниям мемуариста Льва Эндельгардта, что, даже когда Смоленск перестал посылать своих людей в польский сейм и утратил статус города Магдебургского права, они еще весь XVIII век читали польские книги, желали жениться только на поляках и (Господи, прости их!) *презирали* самодержавную Россию. Вот вам и другой детектив — детектив европейского соблазнения, с которым подсознательно борются на стенах Смоленской крепости наши высшей пробы герои.

Смоленск — город мучеников из взорванной в финале книги церкви. Смоленск — предместье Катюни. Смоленск — скандальные архивы обкома партии, попавшие в руки немцев. Смоленск — авиакатастрофа. Вот граница разума. Помню, как недавно, приехав в Смоленск, я удивился обилию у мужчин польских усов. Неужели это тоже с тех «смутных» пор осталось? А моя мама как-то сказала мне, что мои предки связаны со Смоленском — может, поэтому я задаю такие вопросы?

Но нет. Граница проходит не только по рациональному признаку. И здесь мы подходим к самому ответственному моменту романа Владимира Мединского. Все время осады нашим воинам словно помогает (или им кажется, что помогает?) что-

то необычное. Мистические птицы. Мистические знаки. Мистические сны. А почему? Просто, Бог на нашей стороне. Вот так просто и ясно. Мы проиграем, пролив реки крови, время такое — смутное. Но будущее будет за нами. Большая добрая война с Польшей за сбор русских земель снова начнется от Ключа-города, нашего Смоленска. Пепел и алмаз сердца! Здесь вновь рождается тема веры. Веры, которая дает человеку силу преодолевать историю, что, как ни верти, всегда была и остается Смутным временем. Другим она нас, их, всех никогда не баловала. Этим мы все: русские, поляки, европейцы — без исключения схожи, разница — незначительная.

Книга Владимира Мединского рассчитана на двойной читательский интерес. Детектив приковывает к себе хитросплетением острой интриги. Историческая точность вызывает желание узнать больше о тех смутных, но ярких временах, о его героях эллинского масштаба.

И если, закрыв книгу, вы захотите прочесть об истории России что-то еще, посмотреть талантливый исторический фильм, расспросить своих детей, о чем им рассказывает в школе учитель истории, или, может, самому, посадив детей на диван, пересказать эту впечатляющую историю борьбы, гибели и победы Смоленска, — значит, это удача автора. С чем я его и поздравляю!

Любовь к истории — верный путь к самопознанию.

Автор выражает признательность: ведущему специалисту Института российской истории РАН, д-ру. ист. наук Людмиле Морозовой;

руководителю Издательства Московской Патриархии, протоиерею Владимиру Силowieву;

капитану сборной России по историческому средневековому бою, руководителю центра исторического фехтования «Эскалибур» Андрею Зимину;

профессору Московской духовной академии, протодиакону Андрею Кураеву, писателю Виктору Ерофееву

и, самое главное, Марине — за помощь, консультации и ценные советы.

Отдѣлъ 1

ПЕРОМ И ШПАГОЙ

1609. Июль—август

Азов славен, Смоленск грозен.
Народная поговорка

Неудачный день

(1609. Август)

Всадник гнал коня до самой городской стены и лишь у ворот заставил себя натянуть поводья. Выезжая из города, он даже голову опустил — казалось, стражники обязательно заметят его бледность и лихорадочные глаза и прикажут остановиться. Но солдаты даже не посмотрели на проезжего: мало ли их тут шагает взад-вперед. Время ночной стражи не наступило — мост опущен, решетка ворот поднята — ну так и пускай себе едет с Богом... Несет куда-то из города на ночь глядя, но это ведь не наше дело, правда? В Северной Вестфалии¹ хватает придорожных трактиров, чтобы найти ночлег.

Проехав шагом по мосту, путник вновь пустил коня галопом. Небо из синего делалось бледно-лиловым, дорога тонула в вечернем сумраке, с реки напоззали белесые полосы тумана.

Когда всадник решил оглянуться, городских стен уже не было видно. Только громадная башня Кёльнского собора с торчащим из нее краном маячила на горизонте. И позади, и впереди не слышалось ничего, кроме ленивой переключки пичуг в окаймлявшей дорогу роще да мерного плеска весел — Рейн не спал ни днем ни ночью.

Погони вроде не было — стук копыт ему лишь почудился. В очередной раз почудился...

Ну и слава Богу.

«В конце концов, — подумал беглец, — ведь никого, ни одной живой души рядом не было... А если кто смотрел в окно, разве мог меня разглядеть? С чего я вообще решил, будто за мной будет погоня?!»

¹ *Вестфалия* — историческая область на северо-западе Германии.

Тут ему стало ужасно досадно. Вот уж показал отвагу, нечего сказать! Бежал, как нашкодивший мальчишка... Хотя. Кто это сказал: «лучше позорно бежать, чем храбро болтаться на виселице»? Кто-то, верно, из великих европейских умов. И никогда ведь не докажешь, что не ты напал, а на тебя напали. Как говорят, опять же — были ложки, не было ложек. Судье не объяснишь.

— Господи, спаси и сохрани! — прошептал беглец и размашисто перекрестился.

Так или иначе, все обошлось — если не считать того, что приходится теперь скакать среди ночи неведомо куда, чтобы поскорее покинуть не только Вестфалию, но и вообще Священную Римскую империю...¹

А ведь день начинался прекрасно.

На рассвете он въехал в эти самые ворота и оказался в вольном городе Кёльне. Он был и не был похож на прочие европейские города. Каким-то хитрым образом в нем соединились возвышенная, строгая чистота готической старины, деловитая практичность суетного семнадцатого века и веселость совсем не немецкого, а скорее южного города. Запрокинув голову, молодой путешественник чуть не час простоял возле громады Кёльнского собора. Его возводили уже несколько столетий, но пока из двух башен построили только одну — и ту наполовину. Стрела подъемного крана², торчавшая прямо из нее, сама по себе стала городской достопримечательностью. Грегори — а путешественника последнее время обычно все так коротко и звали — со всей почтительностью, придерживая шпагу, поинтересовался у местного бюргера, есть ли сведения, когда будет достроен собор. Тот, несмотря на классические лысину и брюшко, предполагавшие обстоятельность, легкомысленно ответил, что никогда, и тут же позвал пропустить стаканчик. Грегори отказался. В мерцающих сумерках собора его ждала встреча с мощами трех царей — трех волхвов, возвестивших явление миру Христа. Собственно, ради этой святыни он и сделал крюк по пути на Родину.

¹ *Священная Римская империя* (германской нации) (962 — 1806) — государственное образование со сложной иерархией, в котором доминировала Германия. В лучшие свои годы простиралась от Балтики до Средиземного моря, однако императорская власть была в этом конгломерате независимых государств, по сути, символической.

² Работы на южной башне собора были прекращены в XV веке, и на высоте 50 метров застыла огромная лебедка — ручной подъемный кран. В таком виде немецкий долгострой простоял 400 лет.

Из храма — а Кёльнский собор уже более трех веков строился именно как грандиозное хранилище для золотого ларца с мощами — путник вышел словно просветленный. Он забрал у служки свою шпагу, дав тому серебряную монетку, отвязал коня и огляделся. От площади расходились в разные стороны улицы — с домами, похожими один на другой: у большинства нижний этаж кирпичный, а верхние, один или два, деревянные. У некоторых эти верхние этажи, по принятому в больших европейских городах обычаю, выдавались примерно на аршин над нижними, делая и без того неширокую улицу темной и прохладной. Выглядит весьма романтично, только вот к вони столь же традиционной сточной канавы, проходящей ровно по середине брусчатки, Грегори за время своего путешествия так и не привык. Все европейские города, что в Германии, что во Франции, пахнут одинаково, только какие-то повонючее.

Грегори улыбнулся про себя, вспомнив, как ему с хохотом рассказывал один бургундский кузнец, поправлявший подковы: «Будете подъезжать к Парижу — сначала почувствуете запах, а не пройдет и получаса, как увидите городские стены — ха-ха-ха! И эти голодранцы еще именуют себя столицей королевства! Ха-ха! Выскочки и невежи, не знающие толком ни как молиться, ни как помыться. Виданное ли дело: сам король — этот беспутный прощельга и еретик Анри — меняет веру как девок. Да, каков государь, таково и государство. Ничего, возродится еще наше герцогство — помяните мое слово, месье, возродится!¹»

«Да, — отгоняя воспоминания, покачал головой Грегори, — и представить нельзя, чтобы у нас дома простой кузнец столь же вольготно крыл своего Государя... даже представить... Впро-

¹ Объединение французских земель вокруг Парижа в XV—XVI веках шло не менее трудно, чем «сбирание русских земель» московскими князьями. В этом плане отношения королей и Великого Герцогства Бургундского весьма напоминают перипетии истории Москвы и Господина Великого Новгорода, правда в гораздо более жестком и циничном варианте. Порой лишь хитрость и беспринципность монархов удерживали Францию от распада и новых витков религиозных войн. «Париж стоит обедни», — говаривал самый популярный монарх Франции и положительный герой бесчисленного множества исторических романов, пьес и фильмов Генрих IV Наварский: ему пришлось трижды сменить вероисповедание в угоду политической конъюнктуре. На это и намекает кузнец.